

Итак, слово народному артисту СССР ЛЕОНИДУ ОСИПОВИЧУ УТЕСОВУ, гостю нашего клуба.

МНЕ приходилось выступать во многих дворцах и клубах. Кажется, в мои-то годы можно уже ко всему привыкнуть. Но каждый раз, готовясь к новой встрече со зрителем, очень волнуюсь. Не могу быть спокойным и сейчас — ведь впервые в жизни меня пригласили в спортивный клуб. Вести рассказ о спорте мне трудно. Очень трудно. И вовсе не потому, что я далек от спорта. Скорее наоборот, спорт — мой старый и верный друг. Я хорошо знаю его и оттого затрудняюсь выбрать главное, интригующее.

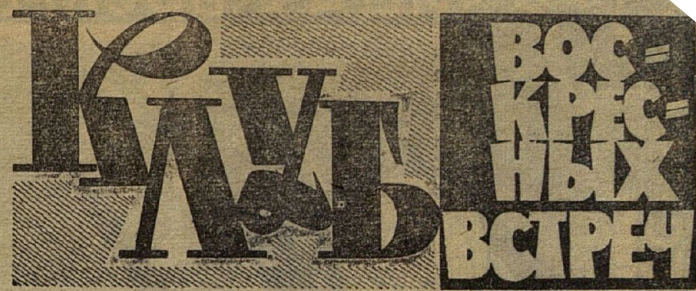
Дружба наша зародилась в тот момент, когда я впервые, забыв обо всем на свете, задумался над тем, как доказать соседским ребятам, что ты сильнее и быстрее их.

В самом центре Одессы, на Спиридоновской улице, стоял дом

до наступления темноты гоняли мяч.

Самыми памятными были матчи с учащимися Ришельевской гимназии. Носили они красивые фуражки с гербом серебристого цвета. Такого же цвета были у них пуговицы на гимнастерках. За это мы называли ришельевцев «сеledками». А они окрестили нас «копченой скумбрией» — за золотистый цвет герба и пуговиц. Поединки «копченок» и «сеledок» редко когда заканчивались мирно. Обычно они прерывались в тот момент, когда нужно было показывать мастерство далеко не футбольное. Частенько я приходил домой с ссадинами на ногах или с подбитым глазом. Но ведь игры мы судили сами. По-своему.

Мои кумирами были братья Бужинские — организаторы футбольной команды училища — и работавшие в Одессе англичане Джекобс и Бейт. Особенно нравилась игра Бейта. О, это был великолепный футболист! Его ко-

своей игрой известный одесский спортсмен С. Уточкин».

Он был безмерно добр и все же глубоко несчастен. Имел много знакомых, он почти не имел друзей. Быть может, потому, что ему завидовали.

Куприн говорил о нем: «Он самый страстный спортсмен в мире, какого только можно себе вообразить». И я счастлив, что был хорошо знаком с этим человеком.

После одного из матчей с «се-

спорта. К тому же мне близка психология спортсмена. Она во многом схожа с нашей, артистической: часто приходится оставаться наедине со своими мыслями, тщательно готовиться к выступлению, наслаждаться победой, доставившей радость тебе и зрителю, переживать неудачу.

Благодарен я спорту за то, что он приобрел меня к физической культуре. В моем понимании это не только зарядка и водные процедуры. Физическая культура — это и умение распорядиться временем, и походка, и сон при открытой форточке, и правильно поставленное дыхание — словом, все, что делает человека здоровым и красивым. К сожалению, многие начинают понимать это слишком поздно.

В спорте я теперь рядовой болельщик. А что значит быть болельщиком, вы знаете. Да и вряд ли я смогу подобрать слова, чтобы рассказать о тех чувствах, которые овладевают мною, когда, скажем, на футбольном поле я вижу хорошо сыгранный ансамбль. Любимой команде, как и любимой женщине, многое прощаешь, ждешь и надеешься. Нет, об этом не расскажешь. Это нужно чувствовать.

— Простите, Леонид Осипович, если не секрет, за кого вы болеете?

— За московское «Динамо» и за «Черноморец». Динамовцы своей игрой радуют меня. Моряки огорчают. И это тем более обидно, что Одесса — город больших и славных футбольных традиций.

Когда заходит разговор о великих музыкантах, я гордо задираю свой одесский нос: Гилельс! Ойстрах! Рихтер!..

Есть кем гордиться.

Заговорят о писателях — нос ползет еще выше: Бабель! Катаев! Олеша! Ильф! Петров!

О поэтах — он уже в небесах: Багрицкий! Кирсанов! Инбер!

Но, как только речь заходит о футболе, нос раскрывает парашют и устремляется вниз. А мне в 72 года вовсе не так уж хочется прыгать с парашютом. И чтобы избежать этого, я готов, если понадобится моя помощь, стать в ворота «Черноморца».

Такое уж мое одесское сердце, которому не хочется покоя.

Беседу вел специальный корреспондент «Клуба воскресных встреч» Виктор АСАУЛОВ.

СЕРДЦУ НЕ ХОЧЕТСЯ ПОКОЯ

Сутягиных. Хозяин был большим поклонником французской борьбы. Там собирались мальчишки со всего города. У нас не было ни тренера, ни инвентаря. Учились у старших. После «тренировок» уходили обычно на море и продолжали свое «спортивное образование» на воде.

В коммерческом училище Файга, где я учился, считалось, что мы занимаемся «организованным спортом». В расписании уроков, к примеру, стояла гимнастика. Вел ее здоровенный немец, который все команды подавал по-немецки, и занятия эти, мне кажется, больше походили на военную муштру, чем на тренировку гимнастов. Отдушину мы находили в футболе. После уроков собирались на полянке Александровского парка (ныне парк имени Т. Г. Шевченко) и, обозначив портфелями ворота,

ронный удар пяткой через себя называли «бейтовским», и все мальчишки ежедневно по нескольку часов кряду постигали тайны этого удара.

У нас, одесситов, был еще один спортивный кумир — Сергей Уточкин. Старая Одесса без Уточкина — не Одесса. Этого чудо-человека с ярко-рыжими волосами и белесыми ресницами, с широким носом и резко выступающим вперед подбородком любил весь город. Он был храбр и умен. Пожалуй, для меня Уточкин и по сей день — эталон спортсмена. Это был велосипедист, конькобежец, боксер, автомобилист, парашютист-летчик (один из первых в России). Играл он и в футбол. И как играл! В одном старом журнале, помню, так писалось о нем: «Среди английской партии футбола заметно выделяется

ледками» я возвращался домой и нашел золотые часы. Отнес их чаевщику и получил вознаграждение, которого едва хватило на покупку балалайки. При чем тут, скажете, балалайка? Но не торопитесь. Попытайтесь понять человека, который стоит на развилке дорог и не решается, по какой из них идти по жизни. Спорт или искусство? Я купил не футбольный мяч, а балалайку и тем самым выбрал дорогу, ведущую в мир искусства, хотя мои друзья считали тогда, что песни и музыка погубили хорошего футболиста.

Я отошел от спорта, но это не значит, что я ушел из него. Просто перестал выходить на футбольное поле, зато увлекся плаванием. Занятия, правда, не были систематическими, но я ведь не готовился к соревнованиям. И все же я вправе считать себя знатоком!

КАЖЕТСЯ, совсем недавно все мы узнали, что Утесову уже семьдесят. И, должно быть, все не поверили в это. Не может быть, чтобы Утесову было семьдесят, когда вот он, легкий в движениях, удивительно обаятельный, командует на эстраде веселыми ребятами из своего джаза. Вот он улыбается нам с экрана телевизора, а глаза его молоды и колючи. А все-таки ему еще только семьдесят, думаем мы, глядя на народного артиста СССР Леонида Осиповича Утесова.

И. Бабель писал о нем: «Сценическое создание Утесова — великолепный этот заряженный электричеством парень и ослепительный жизнью, всегда готовый к движению сердца и бурной борьбе со злом — может стать образцом, народным спутником, радующим людей». Давно написаны эти строки — в пору «Веселых ребят», в пору, когда все слушало Утесова, все его пели. Впрочем, его и сегодня слушают и поют — люди пожилые и их дети, и дети их детей. Да и слова Бабеля, разве не верны они сегодня? Разве не этими штрихами обрисован каждый портрет любимого артиста?